«Вы же всё понимаете»*

Системная политическая дискриминация в Беларуси:
механизмы, масштаб, последствия

РЕЗЮМЕ ДОКЛАДА

БЕЛОРУССКИЙ
ХЕЛЬСИНКСКИЙ
КОМИТЕТ

⚠ Белорусские власти признали БХК и ряд других правозащитных организаций так называемыми «экстремистскими формированиями».

Хранение и распространение материалов организации создает риски для людей, находящихся в Беларуси или планирующих поездку в страну.

Пожалуйста, учитывайте это при обращении с данным материалом.

© Белорусский Хельсинкский Комитет, 2026

Это резюме доклада «Вы же всё понимаете*. Системная политическая дискриминация в Беларуси: механизмы, масштаб, последствия». Полный текст тут.

БХК использует концепцию системной политической дискриминации не просто для описания отдельной категории нарушений прав человека, а как объяснительную модель, позволяющую лучше понять, как устроена и воспроизводится репрессивная система в Беларуси.

* Фраза «Вы же всё понимаете» работает как неформальный код. Чиновник знает, какое решение ожидается сверху, и это знание заменяет правовое основание. Человеку внушают, что так надо и иначе нельзя. На этом в значительной степени держится система репрессий в Беларуси. И это же делает ее очень латентной.

После 2020 года государство намеренно разрабатывает и проводит дискриминационную политику в отношении тех, кого считает оппонентами власти. За шесть лет такой политики в Беларуси **на государственном уровне создана и действует скоординированная система подавления инакомыслия, в которой участвуют правоохранительные органы, суды, органы пенитенциарной системы и другие государственные органы.** Она реализуется не только через «традиционные» нарушения прав человека вроде задержаний и приговоров, но касается почти всех сфер общественной жизни, в том числе сферы труда, образования, здравоохранения, культуры и социального обеспечения.

1 Признаки «системности» дискриминации

Дискриминация системна при наличии следующих признаков: нормативное закрепление; охват множества сфер (широкое распространение); устойчивость во времени; наличие специальной институциональной инфраструктуры; воспроизводство в поведенческих практиках. Такая политика всегда ставит одни группы в менее выгодное положение, а другим дает преимущества. Группа независимых экспертов ООН также подтверждает, что тесное сотрудничество и координация между

государственными институтами позволяют государству систематически подавлять основные права и свободы человека в Беларуси (A/HRC/63/CRP.1).

До 2020 года у государства также существовала определенная предвзятость к «политическим», но она не носила массового характера. Преследования по политическим мотивам были на правоприменительном уровне, в то время как законодательно как бы сохранялась приверженность принципу равенства и недискриминации.

После 2020 государство **целенаправленно прилагает усилия и тратит ресурсы**, в том числе финансовые, для реализации своей дискриминационной политики, навязывания обществу дискриминационных установок и поведения. Через разветвленное репрессивное законодательство, атмосферу устрашения, и общее опасение сделать что-то вопреки официальным ожиданиям, государство вынуждает людей относиться друг к другу с недоверием, подвергать постоянной цензуре любое свое и чужое действие.

Кроме того, характерная черта государственной системной политики после 2020 — попытка сформировать не просто недоверие, но враждебное отношение и ненависть у одной части общества к другой через особую стигматизацию инакомыслящих. Системность в этом отношении особо подчеркивается тем фактом, что государство пытается формировать подобные паттерны уже со школы, в том числе через манипуляцию политикой памяти: например, в новых учебниках участников мирных протестов 2020 года сравнивают с движениями, сотрудничавшими с нацистами. Ту же роль играют «экстремистские» и «террористические» статусы.

2 Связь с преступлениями против человечности

Международное преступление «преследования» — лишение группы фундаментальных прав по дискриминационным мотивам — относится к

преступлениям против человечности. Для этого мало разрозненных нарушений и эксцессов исполнителей (они были и до 2020 года): нужно широкомасштабное или систематическое нападение на группу в рамках государственной политики.

Тот факт, что в Беларуси с мая 2020 года осуществляется широкомасштабная, систематическая атака на гражданское население, последовательно подтверждается Группой независимых экспертов ООН по положению в области прав человека в Беларуси и Прокурором Международного уголовного суда (МУС), который в марте 2026 г. открыл расследование по итогам предварительного изучения ситуации по Литве/Беларуси, переданной Литвой в сентябре 2024 г.

Атака является *широкомасштабной* исходя из **числа жертв** и **повторяемости** деяний, образующих преступления, **по всей стране**. Она носит *систематический* характер из-за организованного государством характера преступлений и малой вероятности их случайного возникновения. Конечно, не всё происходящее отвечает критериям международных преступлений, но в отношении ряда действий властей однозначно можно утверждать: имеет место **систематическое подавление инакомыслия через лишение прав конкретной группы с помощью специально выстроенной инфраструктуры.**

3 На кого направлена системная дискриминационная политика

Группа экспертов ООН определяет мишень систематических атак как людей, **воспринимаемых** (perceived) как критически настроенных к власти. Государство во многих случаях «додумывает» взгляды (например, считает подписчика независимого медиа оппозиционером), поэтому пострадать может и тот, у кого их нет. Нелояльность предполагается по **прокси-признакам (прокси-основаниям)**: поездки в «недружественные страны», иностранный ВНЖ, принадлежность к католической конфессии или

польскому меньшинству, солидарность с репрессированными и т.д. Перечень признаков/оснований и круг жертв постоянно расширяется.

4 Как реализуется политика: законодательный уровень

В Беларуси сложилась правовая культура, при которой верховенство закона подменяет верховенство права. Любая мера, оформленная по закрепленной в законе процедуре, считается законной независимо от соответствия Конституции и международным обязательствам. Режим контролирует и нормотворчество, и правоприменение, поэтому получает нужную правовую базу для репрессивных действий. Конкретные способы, которые используются для превращения законодательства в репрессивный инструмент:

Прокси-основания для массового преследования. До 2020–2021 годов репрессии были точечными и требовали формального предлога. Теперь есть прямые дискриминационные нормы (например, запрет «пропаганды гомосексуальных отношений, смены пола, бездетности»), а есть специально введенные **нормы-«статусы»**, маркирующие инакомыслие без названия: причастность к «экстремистской деятельности», преступления «экстремистской направленности», иностранное гражданство или ВНЖ, проживание за границей и др. Это и есть прокси-основания преследования. Присвоение таких статусов одним действием закрывает доступ к ряду прав. Например, проживание за границей — основание для лишения пенсии за особые заслуги. Особенно показательно в этом смысле фактическое приравнивание инакомыслия к экстремизму. Это влечет за собой признание деятельности организации или отдельного человека ретроспективно и необратимо незаконной. Например, судимость по «экстремистским статьям» влечет запрет работать с детьми для педагогов, аннулирование свидетельств риелторов и нотариусов и другие профессиональные запреты вне зависимости от ее снятия (то есть практически пожизненно при этом режиме).

Хаотичность и противоречивость норм. Власти прививают репрессивные практики бюрократической системе, которая при этом пытается выполнять обычные, не связанные с политическим контролем функции. Поэтому репрессивные новации вносятся несистемно, в разные акты и разбросаны по разным сферам регулирования. В результате мы имеем не цельную, продуманную систему ограничений, а разрозненный, наращиваемый по случаю массив норм, который не обеспечивает ни внутренней согласованности, ни предсказуемости как для самих государственных органов, так и для людей.

Чрезмерно широкая дискреция исполнителей, граничащая с произволом. Репрессивное регулирование сопровождается чрезмерно широкими полномочиями ответственных за его реализацию органов — в том числе силовых структур, чьи полномочия постоянно законодательно расширяются. А также создаваемых ad hoc несудебных механизмов вроде Комиссии по возвращению. При этом имеет место полное отсутствие базовых процессуальных гарантий. Например, о внесении в перечень «экстремистских формирований» решают МВД или КГБ, в «террористический» перечень — КГБ, достаточно предъявленного обвинения. Решения не публикуются, основания неизвестны, обжаловать их нельзя.

5 Как реализуется политика: правоприменение

Защита прав человека подконтрольна только государству, гражданский контроль уничтожен, поэтому ничто не сдерживает избирательное применение закона. Часть практик в принципе держится на внутренних неформальных инструкциях. Основные механизмы репрессивного правоприменения:

- Регистрация, лицензирование и допуск к деятельности превращаются в фильтры контроля.
- Непрозрачное ведение и произвольное использование различных баз данных граждан — от сведений о привлечении к административной и

уголовной ответственности до «черных списков» для различных профессий — а также широкий доступ к ним дают чиновникам на местах формальные маркеры нелояльности для увольнений, отчислений и отказов.

- Суды ни разу не отказали по существу в признании материалов «экстремистскими»: выводы специальной комиссии принимаются без критики.
- Складывается система, близкая к советской командно-административной: идеологи и сотрудники по безопасности в организациях, неформальное вмешательство в кадровую политику. Например, Директива № 12 (2025) обязывает организации всех форм собственности вести идеологическую работу, а местные администрации требуют от частных компаний нанять идеолога. Таким образом, выстраивается инфраструктура контроля не только за государственными органами, учреждениями и предприятиями, но и за бизнесом, научной, образовательной, культурной и другими сферами.

В итоге мы имеем, с одной стороны, репрессивное регулирование, сформулированное так, что под запрет может попасть всё, в чём правоприменитель заподозрит инакомыслие, а с другой, исполнителей с произвольными, неподконтрольными независимым субъектам полномочиями и гарантиями безнаказанности. В результате в стране сложилась ситуация **глубокой, «хронической» правовой неопределенности,** в которой и от госорганов, и от людей ожидается не столько знание закона, сколько умение ориентироваться в прокси-признаках и «сигналах»: госорганам такое умение важно, чтобы наказывать «кого нужно», людям — чтобы спастись от наказания.

6 Ключевые особенности системы: что учитывать при оценке ситуации

Высокая латентность. За прошедшие шесть лет существенно повысился латентный характер репрессий. Как за счет целенаправленного сокрытия информации и следов репрессивных практик (см. доклад ПЦ Вясна «Спрятанные репрессии в Беларуси 2020-2026»), так и за счёт

распространения форм давления, которые сами по себе менее очевидны и не всегда воспринимаются как репрессии. Это может создавать обманчивое впечатление, что репрессии идут на спад, но это не так (см. специальное заявление правозащитной коалиции от 12.10.2026 об оценке ситуации с репрессиями).

«Сопутствующие репрессии». Власти становятся все менее избирательными в выборе средств. Это ведет к возникновению «сопутствующих репрессий»: для давления используются меры и средства, затрагивающие значительно более широкий круг людей, чем заявленная цель (в том числе признание Европейского Гуманитарного Университета «экстремистской организацией», чатов родственников заключённых — «экстремистскими формированиями», «паспортный указ»).

7 Реальный масштаб: сферы и последствия

Исходя из сказанного выше, в том числе, специфики, обозначенной в п. 6, точно определить круг жертв политических репрессий невозможно. Вот примерный перечень проявлений и последствий системной дискриминационной политики государства. Указанные сферы часто пересекаются, и одна жертва часто сталкивается с несколькими формами репрессивного давления.

- **Уголовное и административное преследование по политическим мотивам.** Сопровождается рядом самостоятельных, но взаимосвязанных последствий, включая нарушение права на справедливый суд, конфискацию имущества, принудительное психиатрическое лечение, условия содержания, подпадающие под пытки или жестокое обращение, включение физических лиц и организаций в «экстремистские» и «террористические» списки.
- **Вынужденный отъезд и депортация.** Наиболее уязвимы люди, вывезенные из страны принудительно (порой без документов). Но все уехавшие по политическим причинам в той или иной мере сталкиваются

с транснациональными репрессиями: последствия «паспортного указа» (фактическое безгражданство, невозможность распоряжаться имуществом, трудности в оформлении брака), заочные суды, статус «незанятых в экономике», лишение социальной поддержки, давление на родственников в Беларуси, злоупотребление механизмами Интерпола и др.

- **Сфера труда.** Практики скрытны («нейтральные» основания, увольнение «по собственному желанию»), но массовы: растянутые во времени увольнения, профессиональные запреты, «черные списки», невозможность вновь трудоустроиться из-за давления на работодателей, давление из-за выездов за границу в «недружественные страны», ограничение возможностей карьерного роста.

- **Образование.** Государство монополизирует и идеологизирует сферу образования, закрывает частные учреждения, вводит идеологические фильтры для педагогического персонала в формальном и неформальном образовании (ограничения для самозанятых репетиторов), запрещает дистанционное обучение в иностранных школах, требует характеристики с «отношением к государственным институтам», цензурирует программы, ограничивает изучение языков меньшинств и беларусского языка, а также академическую мобильность, признает образовательные инициативы «экстремистскими».

- **Финансовые ограничения.** Несоразмерные штрафы, арест и конфискация имущества, вымогание «добровольных пожертвований» у проявивших солидарность с репрессированными или Украиной, разрушение бизнеса, особый контроль финансовых операций и проблемы со счетами у людей с «экстремистским» и «террористическим» статусами.

- **Произвольные административные практики, нарушающие целый ряд прав, включая право на частную жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность:** слежка, произвольное обращение с персональными данными, дискриминационные условия надзора за бывшими политическими заключенными, мониторинг финансовых операций, произвольные, порой унижающие человеческое достоинство, проверки

на границе, блокировка интернет-ресурсов, обязательная дактилоскопия для беларусов с иностранным ВНЖ или гражданством, и т.д.

8 Цена для общества и переходное правосудие

Ущерб наносится всей стране: помимо прямых последствий преследования и давления — невосполнимый вред для огромного количества семей, отток людей, экспертизы, практик и институтов, упущенные возможности, разрушение культурной среды и социальных связей.

Особенно значимые негативные последствия:

Правовая система. Массовое встраивание репрессивных норм ломает системность законодательства и нормализует публичный отказ «неугодным» в равенстве перед законом. Особенно опасно воспитание юристов нового поколения в логике rule by law, а не rule of law: последствия могут быть тяжелее, чем до 2020 года, в том числе в переходный период.

Социальное измерение. Широкомасштабная и систематическая атака на группу ведет к разделению общества на репрессированных и тех, кто репрессировал («жертвы и палачи»). Сможет ли переходное правосудие смягчить эти последствия, неясно.

Призма системной политической дискриминации особенно важна в контексте **процессов переходного правосудия.** Она помогает увидеть реальный круг жертв и **коренные причины**. Она позволяет учесть социальные, экономические и культурные права (о которых легко забыть, сосредоточившись на гражданских и политических) во всех компонентах процесса переходного правосудия: установление истины, призвание к ответственности, возмещение ущерба, гарантии неповторения.

БЕЛОРУССКИЙ ХЕЛЬСИНКСКИЙ КОМИТЕТ

belhelcom.org

© Белорусский Хельсинкский Комитет, 2026